

Первый день трансляции подошёл к концу.

— Спасибо всем, кто смотрел мой стрим. Завтра я снова буду в эфире с девяти утра до пяти вечера. Жду вас, и ещё раз спасибо.

Всё прошло не так мучительно, как представлял себе Райнсмани, но он понимал: настоящая буря ещё впереди.

Ли Хуайхэн, чей рабочий день заканчивался в шесть, досмотрел стрим до конца и никак не мог заставить себя закрыть вкладку. Он оставался в пустой комнате трансляции до тех пор, пока не оказался там в полном одиночестве. Теперь он воочию убедился, что счётчик зрителей на «Дунци» нисколько не врёт.

Мысленно отчитав себя за то, что отвлекался на видео в рабочее время, Хуайхэн принялся за дело. В течение следующего часа он с поразительной эффективностью дегустировал самые разные образцы из базы данных компании.

За десять минут до ухода, по старой традиции, они собрались на короткую летучку.

Юй Цзюрань представил анализ текущей рыночной ситуации. На основе данных, полученных от Хуайхэна, они скорректировали рецептуру жареного картофеля и утвердили план дальнейшего продвижения. Впрочем, отдела разработки это уже не касалось.

Следующим продуктом, который им предстояло создать, Юй Цзюрань назначил железные батончики. Услышав это название, Хуайхэн впал в ступор — он о таком даже не слышал. Что и говорить, мир гурманов был для него полон загадок.

Теперь его задачей стала разработка идеальной текстуры: Хуайхэну предстояло изучить и зафиксировать вкусовые ощущения от множества видов желе и подобных ему сладостей.

Но на этом поручения не закончились. Юй Цзюрань сообщил, что компания получила приглашение на крупный гастрономический съезд — «Лунянь». Подобные мероприятия в Империи проводились повсеместно, и поскольку руководство было занято запуском нового продукта, никто не горел желанием лететь на планету второго эшелона.

Собственно, это и была одна из причин, по которой компании так требовался дегустатор. Ценность подобных съездов была сомнительной, но и отказываться от них не стоило. Так что кандидатура Хуайхэна подошла идеально.

Хуайхэн почувствовал лёгкое волнение — это была его первая в жизни командировка. Он ещё не совсем привык к офисным будням, и возможность сменить обстановку пришлась как нельзя кстати. Хотя процесс записи вкусовых нюансов обещал быть монотонным и утомительным, перспектива поездки заметно смягчила напряжение, накопившееся за последние дни в

четырёх стенах.

За три минуты до конца рабочего дня они, как обычно, перешли к обсуждению игры. Речь зашла о квесте Цзюли на скрытый класс, о котором Хуайхэн упоминал вчера.

Поскольку Тао Цзинъи из-за своего класса не мог покинуть Деревню Нежити, выполнять задание предстояло впятером: четверо сотрудников компании и Цзюли. Юй Цзюрань, как опытный игрок, анализировал условия квеста чётко и по делу.

Едва пробил час, роботы-секретари синхронно поднялись и направились к выходу, а люди остались, чтобы договорить.

Конкретное распределение ролей зависело от того, в чём именно будет заключаться само испытание. Юй Цзюрань дал несколько общих советов по тактике, и на этом все разошлись по домам.

После ужина, когда до назначенного часа оставалось ещё полчаса, Хуайхэн заглянул в новости. Все СМИ наперебой трубили о сенсационном стриме Райнсманна. Пользователи сети даже начали организовывать движение под лозунгом «Бойкот Райнсманну». Люди следили друг за другом, готовые затравить любого, кто посмеет проявить сочувствие к опальному генералу.

Хуайхэн боялся именно этого. Настоящий шквал ненависти только начинал набирать силу.

Райнсманну оставалось лишь стиснуть зубы и идти вперёд. А Хуайхэну — во что бы то ни стало оставаться на его стороне.

На официальном аккаунте Райнсманна в Соми появилось новое сообщение:

«Спасибо всем за поддержку. Это был мой первый день в эфире. До завтра».

Этот пост, благодаря «энтузиазму» хейтеров, мгновенно взлетел в топ запросов. Когда-то каждое слово Райнсманна становилось заголовком газет из-за его славы; теперь же его имя не сходило с полос из-за позора.

Хуайхэн не удержался и начал писать личное сообщение. Он знал, что Райнсманн по-прежнему пользуется публичным аккаунтом и вряд ли читает почту, но промолчать не мог.

«Глубокоуважаемый генерал Райнсманн!

Простите, что пишу вам так часто. Сегодня был ваш первый день в эфире, и я поздравляю вас с этим. Я очень рад за вас. Простите, мысли путаются, и я сам толком не знаю, зачем пишу... просто в такой знаменательный день я не мог промолчать.

Возможно, вы, как и раньше, не увидите этого письма. Но я всё же скажу: интернет — это огромная выгребная яма. Даже если введена обязательная регистрация по именам, даже если приняты законы против кибербуллинга, ничто не мешает людям изливать свою желчь. Всегда найдётся тот, кто будет изящно или грубо поливать вас грязью. Даже господина Туриса, которого считают самым добрым человеком в Империи, многие ненавидят и пытаются очернить.

Я хочу сказать, что клеветают даже на лучших. Не стоит обращать на них внимания. Думайте о тех из нас, кто вас поддерживает. Мы верим, что время расставит всё по своим местам, и главное сейчас — чтобы вы не сдавались.

Наступают времена, когда людям трудно разглядеть истину за пеленой хаоса, но я верю: когда вы сделали этот первый шаг, туман над правдой начал рассеиваться.

Я вряд ли смогу смотреть ваши стримы каждый день, но буду стараться выкраивать время. И ещё — я бы посоветовал вам перенести трансляции на вечер. Не потому, что я сам свободен в это время, а потому, что вечером трафик на стриминговых платформах возрастает в десятки раз. Так число ваших подписчиков будет расти быстрее.

Не знаю почему, но когда-то я писал вам с трепетом и почтением, а теперь... теперь я отношусь к вам как к родному человеку, и слова льются сами собой.

— Ваш маленький фанат, который очень просит вас держаться».

В это время в госпитале Цзюли ждал вердикта врача. Ему было не до проверки сообщений. Он смотрел на лицо человека перед собой — лицо, пугающе похожее на то, что осталось в его памяти, но в то же время совершенно иное. Тот, другой, не был столь молод.

— Лиртэ Райнсмани, — ледяным тоном произнёс доктор Бай Юй, зачитывая данные из медицинской карты.

— Да, — негромко отозвался Цзюли.

— Уходи. Я не стану тебя лечить, — доктор в миг вспыхнул от гнева. Бай Юй едва сдерживался, чтобы не вцепиться пациенту в горло или не ударить его. — Я. Не буду. Тебя. Лечить.

Цзюли оставался парализован уже два года. Одной из причин была тяжесть травмы, другой —

то, что врачи Империи испытывали к нему стойкое отвращение. Стоило им узнать его настоящее имя, как они отказывались от лечения, сколько бы очков Гуанло им ни предлагали.

Цзюли внешне оставался бесстрастным. Он лишь внимательно изучал лицо Бай Юя. Он знал, на кого тот похож. Такое не забывается до конца жизни.

Пациент своим взглядом окончательно вывел Бай Юя из себя. Позабыв о медицинской этике, он схватил Цзюли за воротник и, впери в него яростный взгляд, прошипел:

— Вспомнил это лицо? Как у тебя только совести хватает на меня смотреть? Тебе не страшно, что по ночам за тобой придут те, кого ты погубил?

Цзюли позволил врачу трясти себя за ворот. Он не чувствовал ни страха, ни гнева, лишь глубокая, скрытая за броней стоицизма скорбь.

— Кто ты для Бай Хуаня? — спросил он.

Бай Хуань — его самый доверенный адъютант. Уважаемый полковник, отдавший жизнь за Империю.

Бай Юй отпустил воротник и бессильно опустился в кресло.

— Неужели ты ещё помнишь его имя? — горько усмехнулся он. — Когда ты предавал свою страну и подставлял армию под удар, ты хоть на секунду подумал о тех верных солдатах, что шли за тобой? Самое смешное... мой брат всегда считал тебя своим кумиром. Он и представить не мог, что человек, которым он так восхищался, лично отправит его в лапы смерти.

Цзюли заговорил тихим, полным воспоминаний голосом:

— Я помню, твой брат рассказывал, что ты учишься в медицинской академии. Значит, ты уже состоялся как врач. Бай Хуань всегда гордился тобой больше всего на свете. Он не хотел, чтобы ты шёл его дорогой, мечтал, чтобы ты был подальше от войн и жил спокойной жизнью. Что ж, ты исполнил его желание.

При упоминании брата Бай Юй прослезился. Он откинулся на спинку кресла, чувствуя полное опустошение, и просто махнул рукой:

— Уходи. Я не прикаснусь к твоим ногам.

Но Цзюли не ушёл. Глядя в лицо, которое было живым напоминанием о прошлом, он вспомнил последний миг. Тот взгляд подчинённого, сохранившего верность до конца. Тот огонёк надежды — просьбу передать любимому брату, что он гордится им и просит его жить

счастливо.

И Цзюли передал эти слова:

— Ты был его гордостью. И поэтому ты обязан жить достойно.

В ту же секунду Бай Юй не выдержал. Он разрыдался, как маленький ребёнок, потерявший любимую игрушку. Он знал: Цзюли не лжёт. Тот не стал бы осквернять память о мёртвых ради того, чтобы вылечить свои ноги.

<http://bllate.org/book/17471/1696814>